

Ишанизм как аналитическая категория в документах Восточного отдела ОГПУ и его подразделений в 1920-е годы

В. С. Христофоров¹, Ю. Н. Гусева²

¹ Российская академия наук, Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия;

² Москва, Россия

Статья посвящена анализу информированности работников Восточного отдела ОГПУ (ВО ОГПУ, Востокотдел) и полномочных подразделений ОГПУ на местах о деятельности религиозных лидеров, именовавших себя «ишанами» в Урало-Поволжском регионе в 1920-е годы. Опираясь на оригинальные архивные источники, ранее не введенные в научный оборот, авторы приходят к выводу о том, что в данный период шло медленное накопление знаний об ишанизме в Волго-Урале как особом явлении внутри российской исламской традиции. При этом сбивчивость терминологии и многозначность определений официальной документации спецслужб указывает на то, что процесс сбора данных и их анализа был нелинейным, во многом бессистемным и опирался на наработки православного миссионерства и прежние критические идеи тюркской интеллектуальной элиты, выросшей из джадидизма рубежа веков, подвергавшей публичной обструкции «ретроградность» ишанизма и ишанов как до революции 1917 года, так и после нее. Авторы фиксируют попытку т. н. официальных мулл скрывать свою деятельность под маской «ишанизма», в отношении которого у государства в 1920-е годы не было единой стратегии работы, а также стремления придать деятельности ишанов единую организационную форму в масштабах региона.

Ключевые слова: Урало-Поволжье, Волго-Урал, ишан, ишанизм, ислам в СССР, суфизм в СССР, ОГПУ, Восточный отдел ОГПУ.

В фокусе внимания авторов статьи — информационное освещение феномена суфийских шейхов в Урало-Поволжье в 1920-е годы в материалах советских спецслужб. Цель работы — проанализировать степень информированности работников Восточного отдела ОГПУ (ВО ОГПУ, Востокотдел) и полномочных подразделений ОГПУ на местах о деятельности лиц, причислявших себя к суфийской традиции, именовавшихся в Средней Азии и Волго-Уральском регионе «ишанами»¹, на Северном Кавказе — «шейхами». Для этого мы зафиксируем время возникновения специальных сообщений по данной теме, дадим им общую характеристику. Особо отметим те источник-вые нюансы, которые отражали взаимодействие

¹ Ишан — духовный наставник; в среднеазиатской и волго-уральской традиции — синоним терминов муршид, шейх; в среднеазиатской традиции также обозначает потомка какого-либо знаменитого суфийского шейха. Подробнее о деятельности ишанов в Волго-Уральском регионе в XX веке см.: Гусева Ю. Н. Ишанизм как суфийская традиция Средней Волги в XX веке: формы, смыслы, значение: монография / под ред. О. Н. Сенюткиной. М.: Медина, 2013. 214 с. Из современных статей на тему суфизма в советский период отметим публикацию: Минуллин И. Суфизм в советское время. URL: <https://posredi.ru/tatarstan-sufizm-v-sovetskoe-vremya.html> (дата обращения: 20.08.2020).

между муллами, входившими в юрисдикцию Центрального Духовного управления мусульман (далее — ЦДУМ) в Уфе, и ишанами, формально не входившими в юрисдикцию управления.

В итоге наши размышления станут частью более широкой исследовательской задачи: фактически речь пойдет о формировании советского «антиисламского» дискурса в 1920-е годы и выработке управленческих подходов к одной из частей исламской традиции — к суфийскому наследию, носителям суфийских представлений или причислявших себя к таковым.

Для решения поставленной задачи мы задействуем уникальные материалы Государственного архива Российской Федерации, Центрального архива ФСБ России и архива УФСБ России по Республике Татарстан.

Мы разделяем точку зрения И. Минуллина о том, что в первые постреволюционные десятилетия в Поволжье «в действиях советских властей не прослеживается тенденция обособленного отношения к ишанам, отличного от общей тактики антирелигиозной борьбы. Анализ источников не позволяет также рассматривать деятельность ишанов в отрыве от деятельности общей массы мусульманского духовенства»². От себя добавим,

² Минуллин И. Указ.соч.

что этот тезис можно распространить на все интересные нас регионы.

И. Минуллин справедливо указывает, что первые упоминания об ишанизме как некоем течении внутри «мусульманского религиозного движения» появились в сводках Татарского отдела ОГПУ летом 1924 года. Что касается Дагестана и Чечни, то в ежемесячных сводках ВО ОГПУ материалы о шейхах появляются уже в 1923 году, и носят систематический характер¹, что очевидно объясняется заметной вовлеченностью религиозных лидеров в политические события на Северном Кавказе. Аналогичная ситуация складывалась и в Средней Азии: накопление специфической информации об ишанах, часто проявлявших социальную активность, началось с начала 1920-х годов, когда они регулярно попадали в поле зрения работников спецслужб.

Избегая повтора известных утверждений советских управленцев о негативной природе ишанизма и «шейхизма» зададимся вопросом: а что вообще было известно работникам советских спецслужб об ишанизме, о социальной роли ишанов и их восприятии обществом? Как плотно в их понимании были связаны понятия «шейх», ишан» и суфизм как явление духовной жизни исламского мира?

Известно, что представители «красной» интеллигенции (как правило, это были носители идей татарского джадидизма) предлагали рассматривать суфизм и ишанизм (его проявление) как разновидность «мусульманского сектантства», что вполне укладывалось в схему оценки этого явления джадидами. Они видели в нем результат угнетения масс, издержки национально-колониальной политики. Мирсаид Султан Галиев в 1922 году писал:

«Эта борьба — борьба в области идеологии среди народов нерусского языка, особенно среди мусульман, ведется [Советами — *авт.*] или очень слабо или совершенно бессистемно и непланомерно. Этим обстоятельством пользуясь, мусульманское духовенство и кулаки начинают поднимать головы, затемнять сознание народных масс и ввести их, по-прежнему, в заблуждение: их дерзость доходит до того, что они уже принимают вид старых сторонников «шариата»: требуем шариат, **ишмиизма** (выделено нами — *авт.*), увайсизма /Божий полк/², день-магишатчины³ и

¹ См., например, ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 657, а также: Христофоров В. С. Советские спецслужбы открывают Восток. М.: РГГУ, 2019. С. 132—142.

² Имеется ввиду ваисовство.

³ Представители тюрко-мусульманской элиты, сотрудничавшие с журналом «Дин ва Магишат» («Рели-

сыратул-мустахимцины⁴, которые представляли из себя надежную опору царизма...»⁵.

Позднее этот тезис неоднократно прозвучит в работах советских исламоведов и пропагандистов:

«Суфизм как разновидность мусульманского сектантства есть результат политического и экономического гнета, форма национально-религиозного протеста против существующего авторитета официального духовенства». «По существу дервиши и ишаны занимаются разграблением мусульманской деревни и в союзе с реакционными элементами, противящимся всяким реформам, неизменно ведут свою борьбу по одурачиванию народных масс»⁶. Дервиши, ишаны, сеиды — «паразиты, вскормленные исламом»⁷.

Однако вернемся к утверждению Султан-Галиева и обратим внимание на то, что явление названо «ишмиизм». В документах ОГПУ 1922—1924 годов можно также встретить самые причудливые наименования. В Информационной сводке № 27 с 14 по 21 апреля 1924 года подраздел в разделе «Мусульманство» именовался «шианизм», и в нем значилось:

«В последнее время в Залаирском кантоне /Башкирия/ начинает развиваться **шианство** (выделено нами — *авт.*), которое имеет громадное влияние на массы. Ишаны ходят из деревни в деревню и за отпущенное ими благословение получают от населения подарки, живя, таким образом, как трутни»⁸.

Не упорядоченность терминологии, очевидно, свидетельствует о слабой информированности ОГПУ и осмыслении самого явления на начальном этапе работы. Тем временем активность ишанов становилась заметнее, отсюда проистекает отраженное в документах стремление сотрудников спецслужб разобраться: кто такие ишаны и что такое ишанство?

Анализ материалов Татарского и Башкирского ОГПУ рисует перед нами интересную картину. В 1924 году в материалах, собранных в Казани, (жизнь)» — печатным органом наиболее консервативной части мусульманского традиционалистского (кадимизм) духовенства.

⁴ В 1914 году ахун Мухаммад-Сафа Баязитов в Петербурге организовал и возглавил Всероссийский союз мусульман «Сырат аль-мустахим» («Прямой путь»), придерживавшийся, по мнению современников, чернотенных позиций.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1548. Л. 7 об.

⁶ Смирнов Н. А. Современный ислам. М., 1931. С. 38, 47.

⁷ Пурецкий В. Ислам в быту // Ислам: сб. ст. / под ред. В. Дитякина. М., 1931. С. 122—130.

⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 29. Л. 109.

обнаруживается двухстраничная «История ишанизма» (с припиской «дело Шагирова Ишан I»)¹, написанная Протопоповым². Автора записки выдает специфический стиль и используемая терминология. В ней, кроме прочего, дается интересное объяснение причин малой информированности татарской общественности о суфизме:

«Прежде чем приступить к краткому описанию истории развития ишанизма у нас в России, считаю необходимым предварить читателя о том, что не будет ошибкой, если я скажу, что татарская литература и история печати упорно молчит о том, откуда произошли ишаны, каково историческое развитие их, какую они преследовали цель и играли роль в среде темной татарской массы. Поводом такого упорного молчания служит то роковое обстоятельство, во время существования которого и создавалась татарская национальная литература, по известным политическим соображениям, весьма преследовала всякую критику...»³.

Фактически миссионер указывает на полемику между кадимистами и джадидами по вопросу об ишанах, действительно имевшую место на страницах дореволюционных газет, журналов, проникавшую на театральные подмостки и на страницы тюркской (татарской, башкирской, азербайджанской) поэзии и прозы.

Автор записки хорошо информирован, однако дает лишь самое общее представление о явлении. Так, ссылаясь на утверждение Ризаэтдина Фахретдина, Протопопов пишет:

«...шейхи и ишаны стали появляться в России лет 800 назад. «Ишан» — «слово фарисейское⁴, что в переводе на русский язык означает «они». Ишаны вели активную политику, заслужили доверие народа, объединяя вокруг себя всех тех, кто отрекшись от всего земного, жаждет милости божьей и неопишуемого рая»⁵.

«В связи с неудержимым прогрессом цивилизации в среде российских мусульман ишаны почти совершенно потеряли свое доверие и потому их в настоящее время немного»⁶.

¹ Вероятно, это говорит о начале сбора специфической информации, компрометирующей ишанов вообще и одного из них.

² Возможно, автором документа является Протопопов Василий Иванович (1868—1938), священник, бывший профессор Казанской духовной академии.

³ Архив УФСБ России по Республике Татарстан. Ф. 100. Оп. 9. Д. 8. Л. 27.

⁴ Автор ошибается, слово пришло из фарси.

⁵ Архив УФСБ России по Республике Татарстан. Ф. 100. Оп. 9. Д. 8. Л. 27.

⁶ Архив УФСБ России по Республике Татарстан. Ф. 100. Оп. 9. Д. 8. Л. 28.

Факт использования знаний православного миссионера весьма занимателен и указывает на то, что практики работы имперских и советских спецслужб, особенно в первые десятилетия, имели много общего.

«История ишанизма» была визирована помощником уполномоченного по Чистопольскому кантону ТАССР А. М. Наумовцем⁷ (см. выше). Примерно в то же время, в апреле 1924 года, именно он подготовил собственный рапорт руководству ТатОГПУ с кратким описанием ишанизма как явления:

«Ишанство, по представлению народа, — очень святое дело и попадает очень редким счастливым... [Ишан] «исцеляет больных, предвещает будущее, около ишана можно очиститься от всех грехов, за этим к нему народ и ходит. Сам ишан никогда подаяния не требует, каждый приносит по своему желанию и возможностям, а некоторые сами дают своим гостям подаяние (20—25 копеек). Кроме этого у каждого ишана бывают постоянно посещающие его мюриды: они всей душой и телом стараются не запятнать звание ишана. Ишаны в праздничные вечера, собираясь со своими мюридами полукругом садятся, поджав ноги, беспрестанно кричат «аллах», «аллах», в конце концов, делаются как сумасшедшие (такую проделку наука объясняет владением ишанами гипнотизмом и гипнотизированием мюридов или ввиду представления ишана великим человеком, говоря, «ишан, не зная, не делает». До сего времени самыми известными ишанами в Казани являлись первый Гайнан Ваисов и второй ишан с арапником. Планы Гайнана Ваисова должны быть Вам известны...»⁸.

Сбор сведений о деятельности ишанов в Татарии и Башкирии шел весьма активно на всем протяжении 1920-х годов. Работники спецслужб составляли списки ишанов. Нам известны такие по ТАССР: в 1927 году их насчитывалось 31. В этих документах ишанам давались характеристики, в т. ч. их отношение к ЦДУМ — одни подчинялись, другие — не признавали решения Уфы; писалось, что некто «вращается в кругу реакционного духовенства», другой — «панисламист», третий — «к советской власти относится

⁷ Наумовец Алексей Миронович (1896—1943) — русский, образование среднее, член партии. С 1922 года — уполномоченный ГПУ Татарской АССР по Чистопольскому кантону; затем начальник опергруппы полпредства ОГПУ по Татарской АССР, затем на службе в НКВД ТАССР. Арестован в 1938, осужден на 8 лет ИТЛ. Умер в 1943 в заключении в Красноярском УИТЛ НКВД. В 1963 реабилитирован.

⁸ Архив УФСБ России по Республике Татарстан. Ф. 100. Оп. 9. Д. 8. Л. 25.

нейтрально»; «часто молится за спокойное существование власти»¹; отмечались способности ишанов к гипнозу и внушению («во время проповедей заставляет слушателей плакать») ².

Внимание обращалось не только на их социальную активность и влияние на верующих, но и на их взаимоотношения с т. н. официальными имамами, подведомственными уфимскому духовному центру (ЦДУМ) во главе с Р.Фахретдиновым (в документах они иногда именуется «шариатскими муллами»). Судя по всему, эти отношения не были безоблачными и однозначными. Уполномоченные различных татарских кантонов и работники Башкирского отдела ОГПУ по восточной работе писали следующее:

«В Буинском кантоне ишанов насчитывается до двух человек, но самый видный из них и авторитетный среди населения Сафа Биккулов, к которому стекаются каждый четверг крупные спекулятивные элементы для принятия молитвы, по окончании которой он и распространяет необходимые сведения, получает от них информацию о положении кантона. Его изредка посещает ахун Шагидуллин, давая общие направления и указания в работе, что нужно сделать для укрепления религии и указывает где есть места...»³.

В некоторых местностях отмечалась «борьба ишанов против шариатских мулл, оканчивающаяся в большинстве победой ишанов над муллами, вынужденных просить благословения у ишанов»⁴. А иногда ишаны были включены в противостояние кадимистов («реакционных мулл») и сторонников модернизации исламских норм и традиций («прогрессистов»), которые в этот период из тактических соображений пользовались опосредованной поддержкой спецслужб:

«Замечено, что реакционное духовенство в своей борьбе с прогрессистами используют религиозных фанатиков-ишанов, восстанавливающих против прогрессистов население кантонов [Казанской губернии — авт.]»⁵.

В перечнях ишанов встречаются отметки том, что они происходили из семей т. н. официальных имамов и старались дистанцироваться от деятельности ЦДУМ. Например, все ишаны Мензелинского кантона ТАССР в 1926 году были сыновья-

ми мулл⁶. Здесь же проживал влиятельный ишан Султан Хайбуллин⁷, 70 лет от роду, который до 1925 года «состоял муллою», но «затем, при вручении ему в ЦДУ документа о праве быть муллою, отказался от документа, считая его совершенно лишним»⁸.

Любопытно также отметить, что информаторы с мест указывали на безобидность ишанов и благотворном влиянии их деятельности на нравы селян. В рапортах уполномоченных с мест часто указывалось, что рядовые жители татарских и башкирских кантонов поддерживали деятельность ишанов, заступались за них перед милиционерами, говоря: «это — безобидные старики, которые учат народ благонравию, они не говорят о политике, а только душе»⁹.

Венчала изыскания оперативных работников «восточников» Волго-Урала «Справка об ишанизме» 1929 года, представлявшая собой перевод с татарского, написанная адресно в ТатОГПУ(?)¹⁰. Опуская весьма интересные подробности, отражающие историю зарождения «ишанизма и мюридизма», процитируем отрывок, освещающий взаимоотношения государства и шейхов до 1917 года:

Раздел «Получение прав ишана»: нужно получить диплом под именами «Муршид, Шейх, Кутеб и Гариф, Кутеб из них — самый высокий. В России ишаны, вроде Зайнуллы [Расулева — авт.], диплом получали от Мекканских шейхов... В России, когда татары стояли от культуры далеко и жили исключительно полученными от религиозных школ-медресе знаниями, ишанизм имел большое место...Муллы все старались быть мюридами у ишанов, но тогда существовала между самими ишанами конкуренция. Ишаны не успевали объезжать все районы. Власть их не трогала, ибо она видела, что ишаны, кроме одурманивания населения, ничего не сделают, но она по отношению крещеных народов, как то киргизов, держала другого рода политику, старалась не подпускать к ним ишанов, а если кто из них попадет к киргизам, то их власть одергивала, например, ишана Зайнуллу»¹¹.

⁶ Архив УФСБ России по Республике Татарстан. Ф. 100. Оп. 9. Д. 8. Л. 72.

⁷ Проживал в деревне Малое Акилово (?) Нурлатской волости Мензелинского уезда Казанской губернии.

⁸ Там же.

⁹ Архив УФСБ России по Республике Татарстан. Ф. 100. Оп. 9. Д. 8. Л. 92.

¹⁰ В настоящий момент адресат Справки не установлен. Автором ее мог быть татарский публицист Ф. Сайфи.

¹¹ Архив УФСБ России по Республике Татарстан. Ф. 100. Оп. 9. Д. 8. Л. 135—136.

¹ Архив УФСБ России по Республике Татарстан. Ф. 100. Оп. 9. Д. 8. Л. 11.

² Архив УФСБ России по Республике Татарстан. Ф. 100. Оп. 9. Д. 8. Л. 84—89.

³ «Выписка из доклада о востработе по Буинскому кантону 10 января 1924 года» / Архив УФСБ России по Республике Татарстан. Ф. 100. Оп. 9. Д. 8. Л. 1, 1 об.

⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 29. Л. 109.

⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 29. Л. 79.

Затем автор Справки указывает на противостояние реформистов и ишанов, а говоря о постреволюционной большевистской эпохе, делает весьма спорный вывод: «ишанизм распался», как будто бы являл собой некую организацию. Более того, «ишанизм превратился в подпольную организацию духовенства для сохранения религиозного фанатизма», поэтому ранее ругавшие их муллы-реформисты защищают ишанов, а муллы сами идут к ним и агитируют людей. Ишаны между собой подружились. Вокруг ишанов объединяются не совсем лояльные к Соввласти».

Результатирующая подобного подхода, увы, хорошо известна. «Подпольной организации духовенства» не было места в декорациях новой эпохи.

Подводя итоги нашего исследования, зафиксируем следующее. В начале и середине 1920-х годов шло постепенное накопление суммы знаний об ишанизме в Волго-Урале как особом явлении внутри российской исламской традиции. Сбивчивость терминологии и многозначность определений, как правило, не уходящих своими корнями в дебри богословия, указывает на то, что поначалу процесс осознания был нелинейным и опирался на наработки православного миссионерства и прежние критические идеи «новой» тюркской интеллектуальной элиты, выросшей из джадидизма рубежа веков, который также подвергал публичной обструкции т. н. ретроградность ишанизма и ишанов.

Таким образом, полемика между «реформистами» и кадимистами по этому поводу, бывшая частью исламского интеллектуального дискурса дореволюционной эпохи, никуда не исчезает, и

усилиями М. Султан-Галиева и ему подобных политиков новой волны выводится в плоскость политической практики.

Обращает на себя внимание попытка т. н. официальных мулл скрывать свою деятельность под маской «ишанизма», в отношении которого у государства в 1920-е годы не было единой картины понимания, а, следовательно, специфических форм деятельности, и, что было особенно важно, выраженной репрессивной составляющей. Миротлюбивое и/или нейтральное отношение части ишанов Волго-Урала к советским преобразованиям еще больше осложняли процесс анализа явления и, возможно, замедляли репрессивные процессы. Предполагаем, что дистанцирование от ЦДУМ могло представляться весьма удачной стратегией выживания ишанов в данный исторический период.

Неоднородность самого явления и ограниченное количество информации имело еще одно важное практическое следствие: несмотря на вызревание идеи «подпольной организации духовенства», в 1920-е годы не фиксируется стремление увязать это явление в единую картину в рамках всего СССР и придать ему организационные формы. Иная картина сложится в 1930-е годы, когда ишаны, в особенности в республиках Средней Азии, будут представлены в виде единой «цепи» передатчиков чуждой идеологии¹.

¹ Речь идет о деле «Цепь Корана». Подробнее см.: Гусева Ю. Н., Бегасилова Ж. А. Дело о «панисламистской повстанческой организации» в Средней Азии 1940 г. // Российская история. 2018. № 2. С. 99—110.

Сведения об авторах

Христофоров Василий Степанович — член-корреспондент Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия. xvsarhiv@rambler.ru.

Гусева Юлия Николаевна — доктор исторических наук, независимый исследователь, Москва, Россия. j.guseva@mail.ru.

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2020. No. 9 (443).
Philosophy Sciences. Iss. 58. Pp. 70—75.*

Ishanism as an analytical category in documents Eastern Department of the OGPU and its divisions in the 1920s

V.S. Khristoforov

*Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.
xvsarhiv@rambler.ru;*

Yu.N. Guseva

Moscow, Russia. j.guseva@mail.ru

The article analyzes the awareness of the Eastern Department of the OGPU (VO OGPU, Vostokotdel) bureaucracy and authorized units of the OGPU on the ground about the activities of “Ishans” in the Ural-Volga region in the 1920s. Based on original archival sources the authors conclude there was a slow accumulation of knowledge about Ishanism in the Volga-Urals as a special phenomenon within the Russian Islamic tradition in this period. The inconsistency of terminology and the ambiguity of the definition of official documentation of the secret services indicates that the process of data collection and analysis was non-linear and relied on the developments of Orthodox missionary work. It remains Turkic intellectual elite’s critical idea that grew out of jadidism, subjected to public obstruction “retrogradation” of Ishanism as before the revolution of 1917 and after. The authors record the official mullahs attempt hides their activities under the guise of “Ishanism”. The state did not have a unified strategy of work as well as the desire to give the Ishan’s activities as a single organizational form in the 1920s.

Keywords: *Ural-Volga region, Volga-Ural, Ishan, Ishanism, Islam in the USSR, Sufism in the USSR, OGPU, the Eastern Department of the OGPU.*